

Трансформация глобальной помощи: анализ эволюции международной политики содействия развитию и оптимизация стратегий в период 2000-2030 гг.

Р.Р. САДЫКОВ¹

Министерство иностранных дел Российской Федерации, МГИМО МИД России (Россия)

Аннотация

Сфера содействия международному развитию (СМР) претерпевает существенные изменения, связанные, в первую очередь, с экономическим подъемом стран Глобального Юга. При этом значимость СМР как направления межгосударственного взаимодействия остается высокой, о чем говорит приоритетное внимание этой области со стороны ООН и других международных объединений. В этой связи с позиций исторического и социологического институционализма был проведен анализ причинно-следственных связей, обуславливающих текущие проблемы СМР, и предложены пути решения этих проблем. С помощью указанных теоретических подходов было выявлен разрыв концептуального и практического развития международной помощи, в том числе установлено, как донорами навязывается реципиентам их трек развития и сам концепт СМР. Показано, как в том числе вследствие «институционального наслоения» в профильных организациях взаимодействие «новых» и «традиционных доноров» оказывается значительно затруднено, как последние используют исторически сложившиеся структуры для проведения своих государственных интересов на фоне объективно падающих объемов помощи с их стороны в адрес нуждающихся стран. Отмечено, что для разрешения выявленных противоречий следует на основе инклюзивности и уважения культурного многообразия начать дискуссию в академическом и профессиональном сообществе об индивидуальной для каждого общества траектории развития, задачах СМР и формах соответствующего взаимодействия

¹ **Садыков Родион Рамилевич** – третий секретарь Департамента Африки МИД России; аспирант кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России. 119200 Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34.
E-mail: sadykov93@bk.ru

в каждом случае. Важно поощрять открытость и независимую критику в целях объективного обозначения выгод как реципиентов, так и доноров от участия в деятельности по СМР. Следует продолжить усилия по выработке интегрированного подхода в целях более точного и последовательного мониторинга, который доводил бы результаты до широкой общественности.

Ключевые слова

содействие международному развитию, исторический институционализм, социологический институционализм, ОЭСР, Цели развития тысячелетия, Цели устойчивого развития

Для цитирования

Садыков Р.Р. (2023). Трансформация глобальной помощи: анализ эволюции международной политики содействия развитию и оптимизация стратегий в период 2000-2030 гг. *Управление и политика*, 3(1), С. 58–76. DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-1-58-76

Содействие международному развитию (СМР) составляет одно из ключевых направлений внешней политики развитых стран, а также и ряда восходящих государств Глобального Юга. За последние десятилетия ввиду окончания «однополярного момента» США и стремительного экономического развития стран, которые традиционно выступали в качестве реципиентов помощи – в первую очередь, Китая и Индии, – ранее при-сущая системе СМР иерархия начала меняться и размываться. При этом, значение СМР в мировой политике ничуть не снижается – отнюдь, усилия по достижению принятых в 2000 г. «Целей развития тысячелетия» и пришедших им на смену в 2015 г. «Целей устойчивого развития» являются бесспорным приоритетом стран-членов ООН.

Определяющее значение СМР для дальнейшего поступательного мирового развития, с одной стороны, и тектонические изменения природы этой деятельности – с другой, обуславливают актуальность аналитического рассмотрения ее практической и концептуальной эволюции. Отметим также, что анализ СМР как совокупности разных видов помощи в целях развития позволит задать общий фон для углубленного изучения отдельно взятого направления содействия развитию, например, международной помощи школьному образованию и др.

Теме СМР посвящено множество работ отечественных и зарубежных исследователей. Сравнительный анализ профильной деятельности ряда развитых стран был проведен под научным руководством академика

В.Г. Барановского (Барановский и др., 2018), с критических позиций ее исторический аспект был рассмотрен коллективом авторов во главе с профессором МГИМО Д.А. Дегтеревым (Бокерия и др., 2022; Дегтерев, 2022). Среди зарубежных ученых, как представляется, наибольший вклад в развитие этой темы сделали профессор Университета Гетеборга А. Бигстен, предложивший количественную оценку результата возможной большей координации действий доноров (Bigsten & Tengstam, 2015), профессор Немецкого института устойчивого развития Х. Янус, исследующий эволюцию СМР на фоне усиления стран Глобального Юга и горизонтальных международных связей (Janus, 2022; Janus и др., 2015), независимый исследователь А. Риддель, отмечающая перекося в сторону количества в ущерб качеству помощи, в частности, в образовании (Riddell & Niño-Zarazúa, 2016).

С опорой на подходы исторического и социологического институционализма в настоящей статье рассматриваются причинно-следственные связи, обуславливающие текущие проблемы СМР, и предлагаются пути решения этих проблем. Для этого 1) проводится анализ целей, функций, способов и каналов оказания СМР, 2) выполняется периодизация эволюции СМР с 2000 г. по настоящее время, 3) обозначаются текущие вызовы, с которыми сталкивается СМР, и предлагаются пути их преодоления.

Социологический институционализм дает теоретическую основу для 1) анализа профильных международных организаций как бюрократических институтов, эволюция которых не всегда соответствует критериям рациональности; 2) рассмотрения СМР не только как естественной потребности стран-реципиентов, но также и как навязываемой международным сообществом нормы, 3) анализа взаимодействия субъектов СМР с отдельными странами-реципиентами не только как с состоявшимися или несостоявшимися государствами, но также как с определенным образом функционирующими общественными институтами (Finnemore, 1996).

Исторический институционализм предлагает теоретическую базу для анализа развития и функционирования международного института как результата последовательных исторически обусловленных коллективных решений, при принятии которых государства руководствуются своими

эгоистическими интересами и используют свой политический вес для их продвижения. Это направление пытается таким образом обосновать объективные причины слабой координации гуманитарных программ на местах и компромисса эффективности в пользу сокращения организационных издержек и поддержания баланса интересов внутри институтов (Fioretos, 2011).

Цели, функции, способы и каналы оказания СМР

Рассмотрим варианты определений содействия международному развитию. В узком понимании его приравнивают к «официальной помощи в целях развития» (ОПР), предоставляемой членами Комитета содействия развитию ОЭСР. Сегодня 30 его членов и более 80 других доноров, включая страны, многосторонние организации и частные фонды, ведут учет своей помощи на основе стандарта отчетности по ОПР².

Следуя духу социологического институционализма в плане придания особого значения идентичности, отметим, что слова «помощь» и «традиционные» скрывают интересы доноров и опыт в СМР остальных. Часто стандарт отчетности по ОПР обозначается терминами «иностранная помощь» или «помощь развитию», а члены ОЭСР называются «традиционными донорами», хотя во многом эти понятия могут ввести в заблуждение. Указывается, например, что слово «помощь» подразумевает доброжелательность и щедрость, скрывая при этом фактически эксплуататорские, иерархические и корыстные отношения (Waisbich & Mawdsley, 2022). Термин «традиционные доноры» может ошибочно означать, что страны, не входящие в ОЭСР, особенно страны с развивающейся экономикой, не имеют большого опыта сотрудничества в области развития.

В этой связи был предложен вариант широкого определения СМР. Несмотря на отсутствие согласованной методологии для широкого определения, полагается, что сотрудничество в целях развития охватывает

² OECD. What is ODA? Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development / OECD. 2020. URL: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/official-development-assistance.htm> (accessed: 6.01.2024).

любую «деятельность, которая направлена на поддержку национальных или международных приоритетов развития, не обусловлена получением прибыли, уделяет особое внимание развивающимся странам и основана на отношениях сотрудничества в целях повышения их собственной ответственности за свое развитие» (Alonso & Glennie, 2015, p. 1-2). Руководствуясь логикой социологического институционализма, нетрудно заметить, что даже широкое определение СМР неизбежно навязывает нормы развитых государств традиционным обществам через делегирование им «ответственности за свое развитие» и тем самым стремится задать им извне определенную траекторию.

В качестве возможных *целей* доноров, обуславливающих их деятельность по СМР, исследователи выделяют корыстные интересы (Бокерия и др., 2022; Дегтерев, 2022), альтруистические мотивы (Headey, 2008), вознаграждение реципиентов за достижение определенных показателей (Hoeffler & Outram, 2011) – например, либерализация рынка или проведение демократических выборов являются привычными условиями помощи со стороны Всемирного банка, а также «моральное видение международной политики» (Lumsdaine, 1993). Далее в ходе рассмотрения эволюции СМР с 2000 г. будет показано, как в течение времени изменялась господствующая мотивация доноров.

Исторически, как отмечается, предоставление международной помощи развивающимся регионам способствовало наращиванию в них влияния великих держав (Садыков, 2022, с. 1998). Более детальное рассмотрение СМР позволяет выделить несколько его основных *функций*: формирование позитивного имиджа страны-донора за рубежом, обеспечение внутринациональной поддержки ее шагов во внешней политике и содействие национальному бизнесу в его международной деятельности, особенно при экспансии в страны с формирующимися рынками (Барановский et al., 2018, с. 7). Здесь видим, что выделяемые функции СМР в большей степени классифицируют действия доноров, движимых корыстными интересами, при этом последняя – сопровождение внешней деятельности национальных компаний – является, пожалуй, одной из самых легко узнаваемых.

Согласно инструкциям ОЭСР как ведущего клуба доноров в целях развития выделяется восемь *способов* оказания СМР, основными среди которых являются прямая поддержка бюджета, подразумевающая передачу финансовых ресурсов непосредственно под управление страны-партнера, а также проектное финансирование, т.е. передачу ресурсов в пользу определенного проекта, имеющего временные, географические и функциональные рамки. Крупные проекты принято называть программами, при этом недобросовестные доноры подчас характеризуют свою помощь в рамках программы как более приветствуемую прямую поддержку бюджета (Riddell & Niño-Zarazúa, 2016, p. 27).

Следует также отметить, что реализация конкретного проекта на территории страны-реципиента помогает донорам более точно проводить национальные интересы в этой стране. В этом смысле также отмечается т.н. «много-двусторонняя помощь», оказываемая посредством не регулярных, а целевых взносов, т.е. фактически являющаяся двусторонней по природе, но многосторонней по форме. В последнем случае видим, как в логике исторического институционализма государства проводят свои эгоистические интересы, используя международные институты как инструмент своей политики.

Следуя подходу ОЭСР, канал распределения помощи – это первое звено в цепочке распределения финансовых и других ресурсов в рамках оказания «официальной помощи развитию». Если государство передает ресурсы многосторонней организации, та – НПО, а последняя ремонтирует на них школу, то для государства-донора каналом выступает многосторонняя организация, а для нее – НПО. Здесь исторический институционализм помогает понять роль промежуточных звеньев: помимо технических нюансов государства также стремятся минимизировать риски, неизбежно сопровождающие финансируемые мероприятия в целях содействия развитию. В этом смысле в случае возникновения, например, угроз имиджевого порядка, государства-доноры смогут поделить ответственность между звеньями цепи канала распределения помощи.

Периодизация эволюции СМР в XXI веке

В практическом плане удобно разделить СМР на период до и после 2015 г., поскольку в 2000 г. страны-члены ООН договорились об установлении «Целей развития тысячелетия» как о главном ориентире в деле международного развития, а в 2015 г. им на смену пришли «Цели устойчивого развития», сохраняющие свою актуальность по сей день. В заключительном докладе ООН по выполнению «Целей развития тысячелетия» отмечается, что «всемирная мобилизация сил для осуществления Целей развития тысячелетия увенчалась наиболее успешным продвижением вперед в борьбе с нищетой за всю историю человечества»³.

В то же время концептуальная эволюция СМР на рассматриваемом отрезке была куда более содержательно насыщенной и хронологически неравномерной. В этом смысле первым ее ключевым событием здесь является проведенный в Риме в 2002 г. Форум высокого уровня ОЭСР, по итогам которого была принята Римская декларация, закрепляющая ряд приоритетов в СМР. Ими предусматривалось, что 1) оказание помощи должно ориентироваться в первую очередь на потребности получающих ее стран, 2) доноры должны способствовать вовлечению страны-реципиента в реализацию помощи и делегировать ей ответственность, 3) необходимо поощрять и отслеживать передовой опыт, подкрепляя его аналитической работой в целях укрепления инициативы и самостоятельности стран-получателей помощи⁴.

Следующим этапом на пути концептуальной эволюции СМР стало принятие декларации по итогам второго Форума высокого уровня, прошедшего в Париже в 2005 г. Не будет преувеличением сказать, что принятие Парижской декларации стало наивысшей точкой траектории развития СМР в узком, «патерналистском» ее определении. Впервые в ней

³ ООН. Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 г. URL: <https://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf> (accessed: 6.01.2024).

⁴ OECD. Rome Declaration on Harmonisation / OECD. 2003. URL: <https://web-archive.oecd.org/2014-08-25/157680-31451637.pdf> (accessed: 6.01.2024).

провозглашалась взаимная ответственность доноров и реципиентов помощи, т.е. отныне доноры должны были также отчитываться перед реципиентами, какие ресурсы были предоставлены и какой объем работ был выполнен⁵. Помимо отмеченной взаимной подотчетности Парижская декларация развивала приоритеты, зафиксированные в ходе первого Форума высокого уровня в Риме, такие как 1) согласованность помощи (ее ориентация на потребности реципиентов), 2) сопричастность получателей (их участие в реализации помощи).

Кроме того, в Парижской декларации фиксировалась необходимость мониторинга результатов и гармонизации деятельности доноров для большей эффективности (во избежание дублирования и т.п.). Принятая по итогам третьего Форума высокого уровня в 2008 г. Аккрская программа действий подчеркнула необходимость дальнейшего следования парижскому курсу, явилась основой для разработки региональных инициатив по вопросам развития (Боготское заявление, Стамбульские принципы, Дикийская декларация и др.)⁶.

С точки зрения социологического институционализма видим, как на рассмотренном отрезке времени СМР стала не только естественной потребностью стран-реципиентов, но и навязываемой нормой, наивысшей точкой чего стало, пожалуй, как раз принятие Парижской декларации с положением о взаимной ответственности – реципиентов перед донорами за использование полученной помощи и доноров перед реципиентами за ее предоставление. Данное положение с позиции социологического институционализма также интересно тем, что показывает, как развитые страны Запада, становление которых восходит ко временам Вестфальского мира, продолжают навязывать нарратив государства как единственного легитимного участника международных отношений сообществам, развивающимся согласно своей уникальной культуре, и претендуют в этом смысле на создание видимости равенства через взаимную подотчетность.

⁵ OECD. The Paris Declaration on Aid Effectiveness: Five Principles for Smart Aid / OECD. 2005. URL: <https://www.oecd.org/dac/effectiveness/45827300.pdf> (accessed: 6.01.2024).

⁶ OECD. The Accra Agenda for Action / OECD. 2008. URL: <https://www.oecd.org/dac/effectiveness/45827311.pdf> (accessed: 6.01.2024).

Поворотным пунктом в международных дискуссиях о помощи и развитии стал четвертый Форум высокого уровня ОЭСР, прошедший в Пусане в 2011 г. Принятое по его итогам соглашение о партнерстве впервые установило согласованные рамки в области сотрудничества, охватившие как т.н. «традиционных доноров», так и участников сотрудничества Юг-Юг, в т.ч. страны БРИКС, а также организации гражданского общества и частных спонсоров⁷. В итоговом документе продвигалось «трехстороннее сотрудничество», подразумевающее гуманитарное взаимодействие стран Глобального Юга при посредничестве развитых государств. На фоне беспрецедентного падения общего объема помощи со стороны доноров ОЭСР форум фактически засвидетельствовал размежевание «традиционных» и «новых доноров», явившись последней встречей такого уровня. Отмеченное в Пусанском соглашении о партнерстве укрепление позиций новых доноров и усиление гуманитарного взаимодействия по линии Юг-Юг по-прежнему сохраняет актуальность, что подтверждает Декларация саммита по эффективному сотрудничеству в целях развития 2022 г.⁸

В продолжение линии, намеченной Пусанским соглашением о партнерстве, страны ОЭСР в 2014 г. достигли новых договоренностей по ряду аспектов своей донорской деятельности. В частности, было решено способствовать более активному вовлечению частных фондов в СМР, приоритизировать оказание помощи наиболее нуждающимся странам и ввести новую категорию отчетности вдобавок к ОПР, получившую название «общая официальная поддержка устойчивому развитию».

С появлением «Целей устойчивого развития» как глобального приоритета в области СМР в 2015 г. более явно начали проявляться такие тренды, как увеличение объемов помощи со стороны «нетрадиционных» доноров: Саудовская Аравия, ОАЭ, Турция, Китай, Индия, Катар, Россия и Кувейт вошли в тридцатку стран с наибольшими расходами на эту деятельность. Кроме того, продолжила увеличиваться доля помощи,

⁷ OECD. Busan Partnership for Effective Development Co-operation / OECD. 2011. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/development/busan-partnership-for-effective-development-co-operation_54de7baa-en#page1 (accessed: 6.01.2024).

⁸ OECD. 2022 Effective Development Co-operation Summit Declaration / OECD. 2022. URL: <https://www.effectivecooperation.org/system/files/2022-12/Final%20Outcome%20Document.pdf> (accessed: 6.01.2024).

поступающая по каналам неправительственных организаций и государственно-частных партнерств. Отмечаемая с 2015 г. «саузернизация» СМР проявляется также во все более частотной апелляции к взаимной выгоде, что фактически противоречит парижским принципам и отчасти объясняется игрой политиков на растущих на Западе правых настроениях в целях обосновать расходы на гуманитарную помощь перед налогоплательщиками (Bergmann и др., 2021).

Таким образом, в плане мотивации доноров видим, как альтруистические мотивы участников первого Форума высокого уровня стран ОЭСР достигли апогея в Парижской декларации 2005 г., положение которой о взаимной подотчетности доноров и реципиентов явно претендовало на «моральное видение международной политики» в терминологии Д. Ламсдейна. Усиление роли стран Глобального Юга в СМР и продвигаемого ими нарратива о взаимной выгоде возвращает доминирование корыстных интересов как основного драйвера развития рассматриваемой деятельности.

Исторический институционализм при анализе эволюции СМР на указанном отрезке времени показывает, как в т.ч. ввиду «институционального наслоения» в ОЭСР, т.е. в связи с тем, что с момента образования организации вплоть до рассматриваемого периода ее бюрократическая структура развивалась исключительно исходя из соображений стран-членов, «новые доноры» предпочитают вести деятельность по СМР отдельно от ОЭСР (что можно также объяснить через «естественный отбор институтов» институционализма рационального выбора: новые институты заменяют старые в силу рациональности, т.е. в связи с тем, что те уже не могут эффективно решать поставленные задачи в текущих условиях). Видим также, что членство в этой организации, следуя логике той же теории, помогает странам, объем помощи которых уступает таким восходящим державам, как Индия и Китай, сохранять престижный статус «традиционных доноров». Кроме того, продвижение членами ОЭСР «трехстороннего сотрудничества» на фоне сокращения объемов предоставляемой ими помощи развивающимся странам с позиций исторического

институционализма может быть интерпретировано как попытка сохранить свое влияние путем использования исторически сложившихся институциональных структур для проведения своих государственных интересов.

Текущие вызовы СМР

Исследователи отмечают, что сотрудничество в области развития становится все более фрагментированным, а сама его идея находит все большее число противников как в политических, так и в академических кругах (Chaturvedi et al., 2021). Новая ситуация в плане международной помощи связана с изменениями глобальной экономики: если раньше мир в этом смысле можно было поделить на Глобальный Север и Глобальный Юг, то теперь имеется целый ряд стран Юга с высокоразвитой экономикой. Так, востребованность международной помощи в привычных ее географических рамках изменяется: по оценкам экспертов к 2030 г. 28 ныне получающих помощь стран покинут список реципиентов (Janus et al., 2015, p. 157). Кроме того, изменения в международной помощи связаны с финансовыми трудностями развитых стран как основных доноров. В 2011 г. впервые за 15 лет общий объем международной помощи сократился: ряд стран Южной Европы были вынуждены оптимизировать свои расходы на СМР в соответствии с проводимой ими политикой жесткой экономии. По преодолении последствий масштабного экономического кризиса 2008-2009 гг. объемы помощи развивающимся странам со стороны членов ОЭСР вернулись к постепенному росту, однако его динамика не достигла показателей 2000-х гг.

В качестве одного из путей возможного смягчения проблемы стагнации динамики роста реальных объемов помощи со стороны «традиционных» доноров предлагается сокращение связанных административных расходов и соответствующее увеличение финансирования непосредственно СМР. Согласно подсчетам исследователей Университета Гетеборга А. Бигстена и С. Тенгстама на одно государство-донор приходится $109,2 \pm 30,5$ получателей помощи, при этом в случае сокращения этого

количества на треть на транзакционных издержках удалось бы сэкономить 856 млн долл. США (Bigsten & Tengstam, 2015, p. 79). Указывается также, что в продолжение этих мер по сокращению фрагментации помощи доноры были бы в состоянии укрупнить свои страновые проекты до уровня программ, что позволило бы дополнительно сэкономить 984 млн долл. США (Bigsten & Tengstam, 2015). Следует, однако, отметить, что, принимая во внимание широкую дипломатическую представленность государств ОЭСР, а также тот факт, что при работе в развивающихся странах гуппомощь составляет одно из основных направлений сотрудничества, столь радикальное преобразование ситуации довольно маловероятно.

Другая проблема в том, что доноры все меньше учитывают интересы стран-получателей помощи. Последний доковидный выпуск мониторинга Глобального партнерства для эффективного сотрудничества в области развития фиксирует эту тенденцию⁹. Отмечается, в частности, что с 2016 г. снижается степень соответствия стратегий и проектов доноров приоритетам и ожиданиям реципиентов, а также сокращается практика вовлечения страны-получателя помощи в ее реализацию и делегирование ответственности, что было предусмотрено первым Форумом высокого уровня ОЭСР и закреплено Парижской декларацией 2005 г.

Выделяемая тенденция может быть по-разному интерпретирована с позиций институционального подхода. С точки зрения социологического институционализма видим, как практика оказания помощи начинает все больше отдаляться от заявленных целей в силу иррациональной эволюции бюрократических структур. Исторический институционализм подсказывает, что за рассматриваемым трендом скрывается стремление государств активнее проводить посредством институтов свои корыстные интересы, что предусматривает необходимость более полного вовлечения собственного административного и в целом человеческого ресурса. Однако

⁹ OECD. Making Development Co-operation More Effective: 2019 Progress Report / OECD. 2019. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/publications/UNDP-OECD_Making_Development_Co-operation_More%20Effective_2019_Progress_Report.pdf (accessed: 6.01.2024).

наиболее убедительной здесь видится логика институционализма рационального выбора, согласно которой неэффективные местные бюрократии не справляются с вверенной им донорами ответственностью в плане постановки целей помощи и содействия в ее реализации, и поэтому с учетом соображений экономии транзакционных издержек доноры все чаще принимают решение опираться на собственные институты.

В более общем плане выделяется также проблема отсутствия интегрированного подхода к мониторингу результатов деятельности, направленной на содействие международному развитию. В частности, отмечается, что отдельные игроки публикуют недостаточно подробные данные о проведенных соответствующих мероприятиях (Дмитриева, 2023, с. 34), а другие даже прибегают к спекуляциям для «раздувания» своих отчетов о профильной деятельности. В последнем случае показателен пример крупнейшего фонда по содействию развитию образования «Глобальное партнерство в области образования», которым утверждалось, что страны, получившие его поддержку, непременно демонстрируют лучшие результаты по всем показателям начального образования. По изучении всех имеющихся данных экспертами ЮНЕСКО было установлено отсутствие надежных тому подтверждений (Riddell & Niño-Zarazúa, 2016, p. 24).

Оценить эффективность каждого отдельного мероприятия с целью помощи развитию проблематично, поскольку это требует тщательной проработки методов оценки. Пожалуй, основной трудностью здесь выступает неизбежное влияние экономических макроэффектов, затрудняющих сопоставление отдельных случаев и выработку объективной статистики. Поэтому требуется интегрированный подход с более точным и последовательным мониторингом, который доводил бы результаты до широкой общественности. В этом случае можно было бы ожидать синергию мониторинга, оценки и планирования в целях лучшей адаптации помощи развитию под конкретные условия.

* * *

Деятельность по содействию международному развитию осложняется рядом существенных противоречий, которые прослеживаются в основе самой концепции СМР – в ее целях, функциях, способах и каналах оказания, – сопровождают эволюцию указанной деятельности на всем рассмотренном отрезке времени и во многом являются причиной отмечаемых сегодня проблем в данной сфере.

На каждом этапе проведенного анализа существенный эвристический потенциал показал институциональный подход. Социологический институционализм помог выявить, как донорами навязывается реципиентам трек развития и сам концепт СМР, поддерживается нарратив о государстве как единственном полномочном участнике международной жизни. С позиций исторического институционализма была показана инструментальная роль целевых взносов в профильные международные организации, каналов распределения помощи, «трехстороннего сотрудничества», вскрыты проблемы в связи с «институциональным наслоением». Допустимо обобщить, что социологический институционализм обнаружил наибольшую эффективность в концептуальной, исторической – в практической деконструкции СМР. Вместе они показывают, как под видом патернализма скрывается стремление государств к проведению собственных интересов.

При разборе широкого определения СМР, предложенного исследователями взамен имевшегося, уделявшего повышенное внимание деятельности отдельно взятой организации (ОЭСР), социологический институционализм «подсветил» навязывание политических норм развитых государств традиционным обществам через делегирование им «ответственности за свое развитие» и тем самым задание им определенной траектории развития извне. Этот подход был закреплен в Парижской декларации ОЭСР 2005 г., введшей также положение о взаимной ответственности доноров и реципиентов и таким образом показавшей, что и сама концепция СМР не только преследует цели удовлетворения потребностей стран-реципиентов, но равно является навязываемой нормой.

Кроме того, данное положение показывает, как развитые страны Запада, становление которых восходит ко временам Вестфальского мира, продолжают навязывать нарратив государства как единственного легитимного участника международных отношений сообществам, развивающимся согласно своей уникальной культуре, и претендуют в этом смысле на создание видимости равенства через взаимную подотчетность.

Исторический институционализм помог выявить использование государствами-донорами профильных институтов в качестве инструмента проведения своих эгоистических интересов в случае, например, помощи посредством целевых взносов в соответствующие международные организации, а также увидеть инструментальную роль каналов распределения помощи, призванных, в частности, хеджировать риски, неизбежно сопровождающие финансируемые донорами мероприятия по СМР. Было также показано, как в том числе ввиду т.н. «институционального наложения» ОЭСР «новые доноры» предпочитают вести деятельность по СМР вне рамок этой организации (что можно также объяснить через «естественный отбор институтов» институционализма рационального выбора). Видим также, что членство в ОЭСР, следуя логике той же теории, помогает странам, объем помощи которых уступает таким восходящим державам, как Индия и Китай, сохранять престижный статус «традиционных доноров». Кроме того, продвижение членами ОЭСР «трехстороннего сотрудничества» на фоне сокращения объемов предоставляемой ими помощи развивающимся странам в 2011 г. может быть интерпретировано как попытка сохранить свое влияние путем использования исторически сложившихся институциональных структур для проведения своих государственных интересов.

Разрыв концептуального и практического развития СМР привел к столкновению двух этих миров: исследователи отмечают тенденцию к снижению соответствия стратегий и проектов доноров приоритетам и ожиданиям реципиентов, а также сокращению вовлечения страны-получателя помощи в ее реализацию, что предусматривалось первым Форумом высокого уровня ОЭСР и было закреплено Парижской декларацией 2005 г. С точки зрения социологического институционализма видим

на этом примере, как практика оказания помощи начинает все больше отдаляться от заявленных целей в силу иррациональной эволюции бюрократических структур. Исторический институционализм подсказывает, что за рассматриваемым трендом скрывается стремление государств активнее проводить посредством институтов свои корыстные интересы. Однако наиболее убедительной здесь видится логика институционализма рационального выбора, согласно которой неэффективные местные бюрократии не справляются с вверенной им донорами ответственностью в плане постановки целей помощи и содействия в ее реализации, и поэтому с учетом соображений экономии транзакционных издержек доноры все чаще принимают решение опираться на собственные институты.

Представляется, что для разрешения выявленных противоречий следует на основе инклюзивности и уважения культурного многообразия запустить дискуссию в академическом и профессиональном сообществе об индивидуальном для каждого общества треке развития, задачах СМР и формах соответствующего взаимодействия в каждом случае. Важно поощрять открытость и независимую критику в целях объективного обозначения выгод как реципиентов, так и доноров от участия в деятельности по СМР. Следует продолжить усилия по выработке интегрированного подхода в целях более точного и последовательного мониторинга, который доводил бы результаты до широкой общественности. В этом случае можно было бы ожидать синергию позитивных сдвигов по всему спектру СМР – начиная с концептуальных основ и заканчивая реализацией и контролем.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Transforming Global Aid: An Analysis of the Evolution of International Development Assistance Policies and the Optimisation of Strategies During the 2000-2030's

Rodion R. Sadykov, Third Secretary of the African Department of the Russian Foreign Ministry;
Postgraduate Student, Department for World Politics, MGIMO University,
Russia. Smolenskaya-Sennaya sq. 32/34, Moscow, Russia, 119200.
E-mail: sadykov93@bk.ru

Abstract: The sphere of international development assistance (IDA) is undergoing significant changes, primarily due to the economic rise of the countries of the Global South. At the same time, the importance of IDA as an area of interstate cooperation remains high, as evidenced by the priority attention to this area on the part of the UN and other influential international organisations. In this regard, from the standpoint of historical and sociological institutionalism, we have analysed the cause-and-effect relations that condition the current problems of IDA and proposed ways of solving these problems. Using the aforementioned theoretical approaches, the gap between the conceptual and practical development of international aid was identified, including how donors impose the development track and the concept of IDA itself on recipients. It is shown how, including as a result of "institutional layering" in the relevant organisations, the interaction between "new" and "traditional donors" is significantly impeded, and how the latter use historically developed structures to pursue their state interests against the background of objectively falling volumes of aid from their side to the countries in need. It was noted that in order to resolve the identified contradictions, it is necessary to start a discussion in the academic and professional community, based on inclusiveness and respect for cultural diversity, on the individual development trajectory for each society, the tasks of IDA and the forms of appropriate interaction in each case. It is important to encourage openness and independent criticism in order to objectively highlight the benefits to both recipients and donors of engaging in IDA activities. Efforts should continue to develop an integrated approach for more accurate and consistent monitoring that communicates results to the general public.

Keywords: international development assistance, historical institutionalism, sociological institutionalism, OECD, Millennium Development Goals, Sustainable Development Goals

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

- Alonso, J.A., Glennie, J. (2015). What is development cooperation. *Development Cooperation Forum Policy Briefs*. UN Economic and Social Council.
- Bergmann, J., Hackenesch, C., Stockemer, D. (2021). Populist radical right parties in Europe: What impact do they have on development policy? *JCMS: journal of common market studies*, 59(1), 37–52. DOI: 10.1111/jcms.13143
- Bigsten, A., Tengstam, S. (2015). International coordination and the effectiveness of aid. *World Development*, 69, 75–85. DOI: 10.1016/j.worlddev.2013.12.021
- Chaturvedi, S., Janus, H., Klingebiel, S., Li, X., Mello e Souza, A. de, Sidiropoulos, E., Wehrmann, D. (2021). Development cooperation in the context of contested global governance. *The Palgrave Handbook of Development Cooperation for Achieving the 2030 Agenda: Contested Collaboration*, 1–21. DOI: 10.1007/978-3-030-57938-8 (accessed: 6/04/2024)
- Finnemore, M. (1996). Norms, culture, and world politics: Insights from sociology's institutionalism. *International organization*, 50(2), 325–347. DOI: 10.1017/S0020818300028587
- Fioretos, O. (2011). Historical institutionalism in international relations. *International Organization*, 65(2), 367–399. DOI: 10.1017/S0020818311000002
- Headey, D. (2008). Geopolitics and the effect of foreign aid on economic growth: 1970–2001. *Journal of International Development: The Journal of the Development Studies Association*, 20(2), 161–180. DOI: 10.1002/jid.1395
- Hoeffler, A., Outram, V. (2011). Need, merit, or self-interest—What determines the allocation of aid? *Review of Development Economics*, 15(2), 237–250. DOI: 10.1111/j.1467-9361.2011.00605.x
- Janus, H. (2022). OECD DAC development cooperation. *The Routledge handbook of global development* (pp. 71–81). Routledge. DOI: 10.4324/9781003017653
- Janus, H., Klingebiel, S., Paulo, S. (2015). Beyond aid: A conceptual perspective on the transformation of development cooperation. *Journal of International Development*, 27(2), 155–169. DOI: 10.1002/jid.3045
- Lumsdaine, D. H. (1993). *Moral vision in international politics: The foreign aid regime, 1949–1989*. Princeton University Press.
- Riddell, A., Niño-Zarazúa, M. (2016). The effectiveness of foreign aid to education: What can be learned? *International Journal of Educational Development*, 48, 23–36. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2015.11.013
- Temple, J. R. (2010). Aid and conditionality. B *Handbook of development economics* (T. 5, 4415–4523). Elsevier. DOI: 10.1016/B978-0-444-52944-2.00005-7
- Waisbich, L. T., & Mawdsley, E. (2022). South-South cooperation. B *The Routledge Handbook of Global Development* (pp. 82–92). Routledge. URL: <https://doi.org/10.4324/9781003017653>
- Baranovskij, V. G., Kvashnin, Yu., & Toganova, N. (2018). *Sodejstvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument vneshnej politiki: Zarubezhnyj opyt* [International Development Assistance as an Instrument of Foreign Policy: Foreign Experience]. Moscow, IMEMO. (In Russian)
- Bokeriya, S. A., Davidchuk, A. S., Degterev, D. A., Dubrovskij, I. R., Zhuravleva, E. V., Enokyan, A. V., Ivkina, N. V., Nikulin, M. A., Mikael', K. N. V., & Shpakovskaya, M. A. (2022). Sovetskie issledovaniya neokolonializma [Soviet Studies of Neocolonialism]. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 671–687. (In Russian)
- Degterev, D. A. (2023). K okonchaniyu postkolonial'nogo momenta "antikolonial'noj bor'by: konury issledovatel'skoj programmy [Towards the end of the "post-colonial moment" of anti-colonial struggles: outlines of a research programme]. *Post-colonialism and modernity*, 1(1), 13–46. (In Russian)

Dmitrieva, V. A. (2023). Perspektivy gumanitarnoj diplomatii stran BRIKS v Latinskoj Amerike posle rasshireniya gruppy [Prospects for Humanitarian Diplomacy of the BRICS Countries in Latin America after the Expansion of the Group]. *Governance and Politics*, 2(4), 24–36. (In Russian)

Sadykov R. R. (2022). Znachenie shkol'nogo obrazovaniya v sovremennyh miropoliticheskikh processah [The Importance of School Education in Modern World Political Processes]. *Political Science Issues*, 12(6), 1996–2003. (In Russian)

Литература на русском языке:

Барановский В. Г., Квашнин Ю., Тоганова Н. (2018). *Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: Зарубежный опыт. Москва: ИМЭМО*. DOI: 10.20542/978-5-9535-0548-2

Бокерия С. А., Давидчук А. С., Дегтерев Д. А., Дубровский И. Р., Журавлева Е. В., Еномян А. В., Ивкина Н. В., Никулин, М. А., Микаэль К. Н. В., Шпаковская М. А. (2022). Советские исследования неокOLONиализма. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. № 22(4). С. 671–687. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-671-687

Дегтерев Д. А. (2023). К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы. *Постколониализм и современность*. № 1(1). С. 13–46. DOI: 10.31249/j.2949-1711.2023.01.01

Дмитриева В. А. (2023). Перспективы гуманитарной дипломатии стран БРИКС в Латинской Америке после расширения группы. *Управление и политика*. № 2(4). С. 24–36. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-4-24-36

Садыков Р. Р. (2022). Значение школьного образования в современных миropolитических процессах. *Вопросы политологии*. № 12(6). С. 1996–2003. DOI: 10.35775/PSI.2022.82.6.019